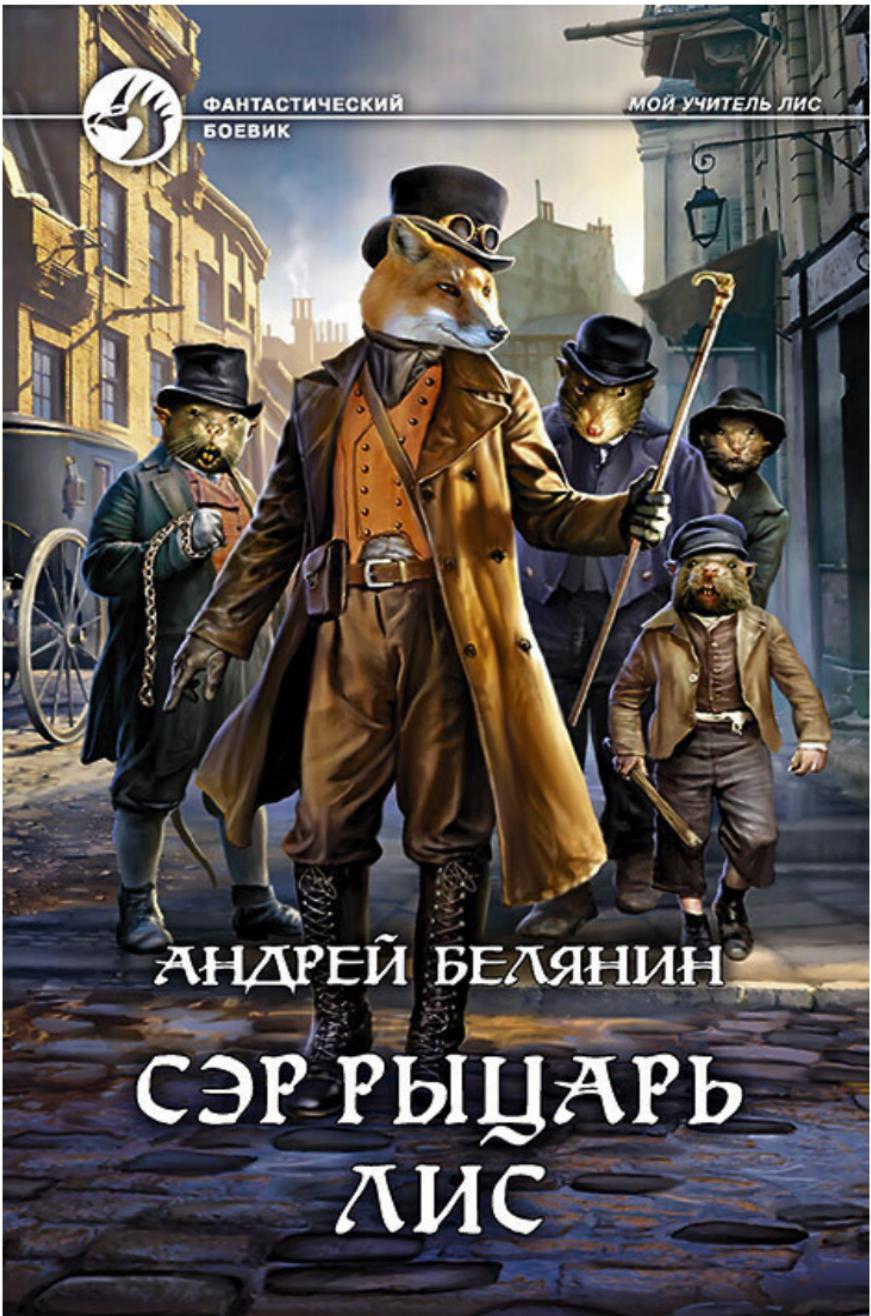

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МОЙ УЧИТЕЛЬ ЛИС

The illustration depicts a group of anthropomorphic foxes in a Victorian-era London street. The central figure is a large fox wearing a brown top hat with goggles, a long brown trench coat over an orange vest, and tall black boots. He holds a cane. To his left is a smaller fox in a dark green coat and top hat. To his right are two more foxes: one in a blue coat and top hat, and another in a brown coat and top hat. In the foreground, a small fox in a brown coat and top hat walks towards the viewer. The background shows a cobblestone street, a horse-drawn carriage, and Victorian-style buildings under a hazy sky.

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
СЭР РЫЦАРЬ
ЛИС

Андрей Олегович Белянин
Сэр рыцарь Лис
Серия «Мой учитель Лис», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66430352

*Сэр рыцарь Лис: Фантастический роман / Рис. на переплете
И.Воронина; Илл. А.Белянина, Ф. Стилтон, YourAlex: Альфа-книга;*

Москва; 2021

ISBN 978-5-9922-3323-0

Аннотация

Моего учителя звали Лис...

До сих пор не могу поверить, что он погиб, упав с воздушного шара при попытке остановить величайшего преступника, опутавшего своими сетями весь Лондон. Но самое ужасное, что жизнь не остановилась. Скотленд-Ярд перегружен делами, злодеи всех мастей начали поднимать голову, горожане ищут защиты, а сил полиции, как всегда, не хватает.

Похищен младенец знатного семейства. Картина Босха убивает людей. В Ноттингеме устроили дикую охоту. Инцелы требуют странных прав. Волки в монашеских рясах берут заложников...

Говорят, что в таких случаях появляется новый герой! И кто же он?

Гривистый волк из Южной Америки, чем-то даже похожий на знаменитого лиса Ренара. Но тот ли он, за кого себя выдаёт?

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Белянин

Сэр рыцарь Лис

Глава 1

Тайна зелёных младенцев

...Мой учитель Лис.

По крайней мере, он был моим учителем те несколько месяцев, что стали судьбоносными в моей жизни. Мистер Лис, месье Ренар или Ренье, истинный британский джентльмен французского происхождения, блистательно образованный, знающий несколько языков, гений маскировки, прирождённый актёр и, кроме всего прочего, лучший частный сыщик-консультант от Бога!

К его дедуктивному методу прибегала полиция многих стран, он умел найти общий язык с кем угодно, от королевы Англии до случайного румынского побродяжки с двумя полупенсами в кармане. Он мог помочь и помогал любому! Деньги не имели для него значения, ибо превыше всего Ренар ценил настоящую дружбу, хороший кофе и опасные приключения. Любовь к последним и погубила моего наставника. Или не совсем так?

Возможно, мне стоит поправиться, память всё чаще пере-

иначивает мысли старого человека на свой лад. Мне очень хочется успеть довести свои скудные записи до логического конца, тогда, возможно, и ждать этого самого конца было бы не столь бессмысленно. Быть может, это отдаёт тщеславием, но просто сидеть ждать бессмысленно вдвойне.

Небеса не даровали мне великого таланта литератора уровня сэра Уильяма Теккерея или хотя бы миссис Шарлотты Бронте. Их скрупулёзность и дотошливость к каждой детали, длительное описание даже самых случайных персонажей, и близко не влияющих на сюжет, но имеющих право быть, а также долгие, многозначительные диалоги и монологи по несколько страниц кряду всегда вызывали у меня неподдельное восхищение.

Что ж, если мои записи в сравнении с шедеврами британской классики покажутся придиричивому взгляду читателя слишком поверхностными и легковесными, то мне остаётся уповать лишь на то, что главный персонаж всегда спасёт мой текст, потому что всё это о нём – о благородном рыжем лисе Ренаре...

Именно поэтому в связи с вышеизложенным я обязан, как истинный англичанин, сопровождать каждый свой рассказ небольшим экскурсом в прошлое. Всё началось ещё до моего рождения, когда в конце тысяча восемьсот двенадцатого года комета, пролетавшая над нашей планетой, вдруг (хотя папа римский уверен, что исключительно по воле Божьей!) способствовала появлению на Земле разумных животных.

Тех самых, которые постепенно стали неотъемлемой частью населения нашей великой империи, а впоследствии и подавляющего большинства цивилизованных стран. Наш мир электричества и пара вдруг оказался вполне себе готов к таким радикальным изменениям.

Люди и звери сумели вместе перевернуть новую страницу. И теперь вряд ли хоть кого-то могли бы удивить поющие кебмены-кони, портовые киски, русские медведи в личной охране британской королевы, доберманы в полиции, еноты – разносчики газет и все, все, все, кто делал наше существование ещё более человечным. Если такое возможно...

– Шарль?

– У вас пять минут на умывание и переодевание.

– Да пресвятой электрод Аквинский! – Я успел вскочить, скидывая одеяло на пол и в прыжке ловко попадая обеими ногами в тапки. – В конце концов, не забывайте, кто платит вам жалованье!

– Моё жалованье поступает на мой банковский счёт вне зависимости от ваших пожеланий, – сухо откликнулся он. – Через четыре минуты жду вас внизу. Классический бокс не терпит долгих перерывов.

– Но потом я наконец-то получу свой кофе по-бретонски?

– Три минуты.

...Со времени трагической смерти моего учителя месье Ренара, Ренье, Лисицына (и ещё с десятков других имён, ко-

которые он носил в разных странах) прошло чуть более недели. Первые пять дней, сколько помнится, пронеслись в сумасшедшем угаре из постоянных встреч, телеграмм соблазна, визитов важных персон, надоедливых газетчиков, адвокатов, предлагающих услуги своих контор, торговцев недвижимостью и прочих.

Если бы не решительные действия инспектора лондонского отделения Скотленд-Ярда сэра Хаггерта, поставившего два полицейских наряда у нашего парадного, они бы меня просто растерзали. Мне не рекомендовали выходить на улицу, поскольку «Таймс» умудрилась первой опубликовать ряд статей на тему: «Нелепая гибель знаменитого сыщика...», «Маленький мальчик – большие претензии», «Наследник Ренара не пожелал встречаться с кредиторами!», «Ученик скрывает факты смерти учителя!», «Он носит имя русского учёного. Совпадение?».

И это ещё только цветочки, если не упоминать до кучи яркий в своём эмоциональном посыле визит бабули. Она заявила на второй день, разодетая во всё, что нашла подходящим, пьяная в портовую гавань, дабы, как она выразилась, «осмотреть владения внука и вступить в свои права!». Под этим подразумевалось её переселение в дом моего наставника, запуск рук по локоть в его капиталы и воспитательное прижатие меня к ногтю.

– Я одна вырастила этого неблагодарного мальчишку! Я ночей не спала, кормила, поила и одевала недоноска, а он

хочет отделаться от меня парой фунтов и бутылкой виски?!

Благо старина Шарль какой-то египетской силой сумел увести её подальше, в ирландский паб, за поворот, через улицу, до того как их заметили вездесущие журналисты. Уже через пять-шесть минут из заведения доносилось слаженным хором:

Oh, frost, frost!

Friere mich nicht!

Friere mich oder meinen Pferd nicht...

Я знал эту песню, тот же донец Фрэнсис периодически исполнял её на русском. В общем и целом там характерный для заснеженной России сюжет о лютых холодах, несчастной лошади и отмороженном (замороженном?) мужчине, который хочет обнять красавицу-жену, но перед этим ему надо напоить своё верховое животное. Кажется, так.

Хотя, Ньютон-шестикрылый, я могу и ошибаться, русский язык слишком сложен для англичанина. Но давайте по порядку, вернёмся к тому серому осеннему утру, которое и задало импульс долгой череде таинственных и жутковатых событий, что происходили со мной вплоть до Рождества. И даже святое предновогоднее чудо отсвечивало белым платьем пера Уилки Коллинза...

Дворецкий терпеливо ждал внизу, держа на вытянутых руках две пары боксёрских перчаток. Опоздания, как и оправдания, не принимались, учитывая, что на данный мо-

мент для него моё нахождение в этом доме, как и возможное вступление в имущественные права, было понятием зыбким. Моё положение определялось где-то от «молодой господин» до «мальчик для битья». Хотя, возможно, я слишком строг к старине Шарлю, в конце концов, он лишь неукоснительно выполняет свои прямые обязанности.

– Выше локти. Не горбиться. Смотреть в глаза, держать пресс. Я сказал, смотреть в глаза.

Наверное, это самое трудное. Когда тебя нещадно колотит бывший чемпион полка по французскому боксу, то есть используя удары руками и ногами, а ты обязан отвечать исключительно в английской манере, то есть только кулаками, силы заведомо неравны. Но дворецкого это никогда не волновало, по его словам, даже само понятие «честный поединок» как таковой есть лишь общепринятая фикция и самообман, устраивающий обе стороны.

В последующие несколько минут я был шесть раз сбит с ног, жутко болели рёбра, никак не проходил звон в правом ухе, но, кажется, мне удалось понять, каким именно способом лысый француз делает подсечку стопой под колено. Уверен, что даже мог бы это повторить, но...

– Нельзя отрывать взгляд от глаз противника, – сухо напомнил он, помогая мне подняться с пола.

– Я вроде... всё делал правильно, но... подставился, да?

– Умойтесь. Завтрак будет готов через пятнадцать минут. Утренняя почта ждёт в гостиной.

– Шарль.

– Да?

– Мне очень его не хватает.

– Тело не найдено, – с едва заметной хрипотцой ответил он. После чего снял перчатки, забрал у меня вторую пару и отправился на кухню.

Я же проверил указательным пальцем, не шатается ли коренной зуб слева, кровь была, но вроде ничего. Надо будет прополоскать раствором соды.

И да, местонахождение тела моего учителя до сих пор неизвестно. Мне говорили об этом каждый день. Все, кто приходил в наш дом, считали своим долгом напомнить о том, что лис Ренар так и не найден мёртвым, ни в городе, ни на отмелях Темзы.

Хотя в тот день, когда он, раненный, свалился с воздушного шара, увлекаемый вниз коварным преступником, распустившим свои щупальца по всей Великобритании, любой шанс вернуться живым в ту страшную грозу был равен нулю. Никто не знал (и не должен знать!), как я плакал по ночам, вспоминая его голос и короткий жест воздушного поцелуя...

Шарль терпеливо ждал меня внизу. Когда я спустился к завтраку (на отдых, умывание и переодевание моей светлости было выделено ровно восемь минут), он приветствовал меня коротким кивком. Вместе с наследством сэра лиса Ренара согласно его нотариально заверенному завещанию ко мне переходил и его высокий титул.

Оказывается, теперь я мог именоваться графом Майклом Эдмундом Алистером Кроули де Ренье! Звучит красиво, даже в чём-то торжественно, и уж наверняка должно вызывать уважение, однако попробуйте объяснить это моему несносному дворецкому...

– Опять овсянка, Шарль?..

– Каша полезна.

– Она даже несолёная?!

– Соль вредна.

– А мой кофе?

– Молоко.

– Вы испытываете моё терпение...

– Пф-уф! – Иначе передать полный презрения, снисхождения, иронии и откровенного французского наплевательства звук со стороны старого дворецкого я не сумел. Как ни разу не сумел поставить его на место. Да вы бы сами попробовали, знаете, как он дерётся?! Вот именно.

На завтрак была подана традиционная овсянка, густая настолько, что ложка стояла, тосты с маслом, малиновым джемом и тёплое молоко. Пока был жив мой хозяин месье Ренье или Ренар, мне всегда перепадал традиционный британский чай. Это нормально, это правильно и это по-джентльменски. Но молоко?

– Полезный продукт для мальчиков. Содержит кальций.

– Виски, кстати, тоже.

– Не для вас, – обрезал неумолимый Шарль.

Мрачно дожёвывая поджаренный хлеб с джемом, я взял в руки утреннюю «Таймс», по методу моего учителя пробегаю пристальным взглядом каждую страницу. Нет, разумеется, я и грезить не смел, чтобы также стать внештатным консультантом Скотленд-Ярда, но соблюдение хотя бы некоторых традиций этого дома вселяло толику уверенности в завтрашнем дне.

– Свадьба герцога Уэссекского. Выставка сокровищ королевского дома в Тауэре. Лондонский театр обещает новое прочтение комедии Уильяма нашего Шекспира «Сон в летнюю ночь» как «Бодрствование в зимний день». Габсбурги пытаются породниться с Романовыми. Тори и виги вновь начали выращивать розы. Не красные и белые, а именно розовые розы. Скука-а! Продолжается розыск тела мистера...

Это было на самой последней странице мелким шрифтом, явно просто для того, чтобы хоть как-то закончить колонку новостей. Имя моего наставника уже не считалось достойным первых газетных полос. Мир забывчив. Какие бы замечательные расследования ни проводил месье Ренар, как бы он ни спасал разведки разных стран, какие бы запутанные ситуации ни разруливал, но вот его нет чуть больше недели, а Лондон продолжает жить собственной жизнью и ему плевать на прах вчерашних героев.

– Шарль, будьте добры...

– Да?

– У меня такое ощущение, что нам принесли кем-то уже

читанные газеты?

Дворецкий крайне внимательно посмотрел на заголовок небольшого объявления, подчёркнутый чьим-то твёрдым ногтем. Впервые, как мне показалось, его тонкие брови нервно дёрнулись вверх. Значит, я не ошибся.

– Мне поговорить с почтальоном?

– Если вас не затруднит.

– Это моя обязанность, – коротко кивнул он.

Я так же отвесил короткий поклон и после соблюдения всех условностей тем не менее предпочёл вернуться к той самой подчёркнутой статье. Не уверен, что она была жутко интересна для чтения. По мне, так просто ни о чём.

«Барон Гастингс имеет честь сообщить о рождении сына. Наследник, обладатель двух состояний и двух фамилий, будет воспитываться при Королевском Норфолкском полку, куда зачислен в чине младшего офицера». И что, собственно, я должен был из всего этого вынести? Это, вообще, хоть кому-то важно? Уж не мне точно...

Я повернул голову, услышав требовательный стук электрического дверного молотка. Шарль, только что стоявший рядом, испарился, словно йод над маточным рассолом золы морских водорослей с концентрированной серной кислотой. Секундой позже он уже вежливо перед кем-то распахивал двери.

Сначала я демонстративно вальяжно развалился в кресле на манер моего учителя, но, услышав гулкие шаги, предпо-

чёл быстренько вытереть губы и вскочить, вытянувшись по струнке. В гостиную, сурово сдвинув седеющие брови, шагнул глава Скотленд-Ярда инспектор Хаггерт.

Высокий мужчина, крепкого сложения, с усами и седеющими бакенбардами, чей стальной взгляд был способен остановить толпу ирландских бунтовщиков, а железная воля служила примером для подражания любому начинающему бобби. Человек-легенда, никак не меньше, уж поверьте...

– Майкл?

– Сэр? – Мы обменялись церемонными поклонами, после чего он первым как старший позволил мне пожать ему руку. Сам бы я и не посмел тянуться к нему своими пальчиками.

– Тело не найдено, – сразу начал он.

– Прошу, присаживайтесь. Шарль, вы не могли бы...

– Ваш бренди, инспектор, – тут же склонился лысый дворецкий, держа в руках серебряный поднос с толстостенным стаканом, на две четверти наполненным янтарно-прозрачным алкоголем. Вкусы всех постоянных гостей мы знали практически наизусть.

– Сегодня вы без Гавкинса, сэр?

– Сержант занят. Но у меня... – На мгновение он замялся, сделал глубокий глоток, подчёркнуто медленно выдохнул через нос. – У меня есть пара вопросов. Майкл, вы знакомы с неким господином Диего Агуарачаем?

– Никогда не слышал этого имени, сэр, – совершенно честно признался я.

– Он приехал вчера из Южной Америки, «близкий к природе», так называемый гривистый волк. В его послужном списке работа на агентство Ната Пинкертон, участие в ряде федеральных расследований и крайне высокие рекомендации от весьма влиятельных лиц. Был ранен, до сих пор прихрамывает.

– Но дело не в этом? – каким-то наитием угадал я.

– Совершенно верно, молодой человек. – Благожелательно кивнув, инспектор сделал ещё один глоток. – Уж не знаю почему, но он крайне заинтересован в деле некоего барона Гастингса.

– Сэр, но разве существует такое дело? – удивился я, из всех сил делая вид, что ничего не знаю о подчёркнутой газетной заметке в утренней «Таймс». Благородный мистер Хаггерт не обратил внимания или сделал вид, что не заметил моих колебаний. Возможно, я просто перестраховывался, мне трудно судить о себе самом со стороны...

– Разумеется, официально нет.

– Сэр?

– Дьявольщина... – Он махом выплеснул остатки бренди себе в глотку. – Дела нет! Но младенец Гастингса странным образом исчез почти сразу же после рождения! Вопрос...

– Ко мне, сэр?

– Нет, к самому себе. Какого чёрта я рассказываю вам то, что могло бы представлять интерес лишь для самого Ренара?!

– Возможно, потому, что я его единственный ученик?

На минуту мы оба замолчали. Каждый думал о своём. Уж не знаю, да и не берусь, честно говоря, предполагать, какие мысли блуждали в мозгу седого инспектора Скотленд-Ярда, но лично у меня в голове была полная, то есть абсолютная, Ньютон-шестикрылый, тёмная, звонкая пустота...

– Шарль?

Дворецкий, как всегда, успел наполнить пустой бокал, прежде чем инспектор хотя бы поднял взгляд.

– Чем мы можем помочь вам?

– Право, даже не знаю, – рассеянно вздохнул Хаггерт. – Скорее всего, ничем. Но... допустим... если бы хоть какие-то уроки Ренара были восприняты... если он заранее искал, ставил последователя...

– Сэр, – подумав, начал я, – поверьте, будь во мне хоть частичка знаний моего учителя, то...

Инспектор заинтересованно обернулся ко мне с бокалом в руке.

– То, во-первых, я бы проверил этого странного гостя из Южной Америки. А во-вторых, занялся бы всеми моментами исчезновения младенца. Вряд ли наследник такого высокого рода был брошен, оставлен без материнского ухода, без пригляда десятка нянек и служанок. Именно среди них и стоит искать первые нити.

– Ничего нового, – с лёгким оттенком разочарования протянул Хаггерт. – Полиция тоже не зря ест свой хлеб. Думаю,

если преступление и имело место быть, мы и сами сумеем задержать злодея. Э-э... мм...

Он несколько рассеянно оглянулся, но старый дворецкий стоял непоколебимо, словно корабельная мачта. Это значило, что бренди больше не обломится. Суровые брови инспектора сошлись на переносице, словно два флагманских корабля, и раздражённо дали задний ход. Переупрямить Шарля невозможно, тут уж без вариантов, кто бы что ни говорил.

– Сэр, а каким образом барон Гастингс потерял ребёнка? – вдруг опомнился я, хотя, держу пари, мой вопрос граничил с неуважительностью или даже некоей грубостью, недостойной истинного джентльмена. – То есть когда это произошло? Как правило, сразу после родов дитя остаётся с матерью. Вы поговорили с ней?

– Хороший вопрос, – после некоторой паузы ответил инспектор, практически уже стоя в дверях. – Как ни странно, но именно на этот момент упирал и заезжий американец. Теперь у нас с ним есть предмет для разговора. И да... мне жаль...

Я понимал, к чему он клонит, но в сто пятисотый раз выслушивать, что надежда есть, поскольку тело ещё не найдено, и вдруг... мой наставник... каким-то чудом, несмотря ни на что, окажется...

Думаю, и дальше всем всё понятно без особого разжёвывания. Когда инспектор Скотленд-Ярда покинул наш дом, мы с дворецким практически нос к носу сошлись над той са-

мой, отмеченной для нас заметкой в газете. Правда, как оказалось, каждый выбирал своё.

– Младенец-лорд пропал?

– Подчёркнуто ногтем или когтем?

Мы уставились друг на друга. Ни у него, ни у меня в глазах не было какого-то особого озарения, хотя, наверное, мы оба ждали чего-то подобного. Вот только чего, подсказал бы кто, пресвятой электрод Аквинский?!

Когда я не знал, что делать, то традиционно спускался в мастерскую. Ибо если тебя подводит голова, то стоит дать волю рукам. Моя экспериментальная дубинка показала себя достаточно хорошо. Конечно, можно продолжать её усовершенствование годами, но смысл? Ведь пытливый ум всегда готов предложить что-то иное, более практичное, незаметное, но действенное.

Я всерьёз задумался о модификации самых простых наручников. Что будет, если любая попытка снять их откликнется получением доброго электрического разряда? Идея перспективная, но если задуматься, так первый удар может хлопотать сам полицейский, неаккуратно или слишком торопливо надевающий наручники на преступника.

С другой стороны, весь вопрос в силе сопротивления. Когда обычный воришка в наручниках покорно идёт за констеблем, то с ним ничего и не случится. Но вот если он попытается разорвать их, уповая на силу мышц, тут вступает в действие электричество. А оно неподкупно.

Задача не самая простая, но вполне себе выполнимая.

Дворецкий лишь на мгновение наклонил голову, подтверждая моё право на уединение. Мастерская всегда помогала мне думать, ну или, честно говоря, наоборот, не думать. Попробую объяснить.

В моём разностороннем ученичестве месье Ренар уделял внимание самым разным аспектам: самодисциплине, физическому развитию, рукопашному бою, иностранным языкам, истории, точным наукам и много ещё чему. Однако рядом с ним я вечно чувствовал себя каким-то недоразвитым тупицей, которым он играет, словно уличный лицедей куклой, надетой на руку.

Иногда это жутко раздражало! Но мистер Лис был слишком умен и обаятелен, чтобы на него всерьёз можно было сердиться едва ли больше минуты. По крайней мере, у меня это никогда не получалось. Разве что у сержанта Гавкинса, когда мой наставник изрядно доставал служаку-добермана, а это было излюбленным развлечением...

Я вытер невольные выступившие слёзы. Мальчики не плачут, а британцы тем более.

Итак, источник электрического разряда должен быть достаточно компактен. Мне требовалась самая маленькая и одновременно самая мощная батарея, включаемая обычной кнопкой. Цепь послужит отличным проводником. Сами кольца наручников придётся делать полыми, хорошая сталь это позволяет. Удар должен наноситься исключительно в мо-

мент разрыва звеньев.

Бумага и электрическое перо всегда были под рукой, чертёж уже складывался у меня в голове. Не знаю, сколько времени я пробыл в мастерской, полчаса, час, полтора, – звонок дворецкого оторвал меня от работы, когда как минимум два приблизительных чертежа были полностью забракованы. Мне явно не хватало технического опыта. Как говорится, интересно придумать ещё не значит успешно реализовать.

– Сержант Гавкинс, – доложил Шарль, стоило мне подняться наверх.

Деловой и чопорный доберман, в служебном мундире и длинном плаще, с которого на пол катились дождевые капли, замер в прихожей, словно бронзовая статуя. Без разрешения старого дворецкого даже английская королева не посмела бы сделать лишний шаг у нас в доме.

– Добрый день, сержант, – вежливо улыбнулся я. – Вижу, лондонская погода не балует разнообразием, на улице вновь моросит?

– Я забираю мальчишку, – не обращая на меня ровно никакого внимания, сквозь зубы прорычал он.

Шарль не ответил, это было бы ниже его достоинства. Но и Гавкинс отлично понимал, когда стоит проявить власть, а когда лучше не нарываться, поэтому он молча достал из внутреннего кармана мундира вчетверо сложенный лист бумаги и протянул его мне.

Что ж, я прочёл текст вслух:

– «Дорогой Майкл, если вы не слишком заняты, то, возможно, смогли бы присоединиться к нам? Ваш технический взгляд на вещи мог бы оказаться полезным в одном щекотливом вопросе». Подпись инспектора Хаггерта.

– Плащ на стене, зонт в стойке, чай будет подан в четыре часа пополудни. – Дворецкий командовал так, словно он был здесь главным. Впрочем, как и всегда.

На то, чтобы собраться, мне хватило трёх минут. У меня мелькнула мысль предложить сержанту горячие сливки или хотя бы стул, ведь месье Ренар именно так бы и поступил, но, судя по холодному взгляду Шарля, этого не стоило делать, чтобы никого не ставить в неудобное положение. Ладно, может быть, в следующий раз.

– Моя электрическая дубинка? – вовремя вспомнил я.

– В кармане плаща. Не опаздывайте к чаю.

Последнее было сказано больше для сержанта. Это означало, что во избежание возможных неприятностей меня должны вернуть вовремя, к указанному часу, в целости и сохранности. Я надвинул на лоб котелок, так солиднее, застегнул макинтош на все пуговицы и взял тяжёлый зонт. Вроде бы всё.

Гавкинс коротко дёрнул подбородком, подтверждая, что слова дворецкого, по крайней мере, были услышаны. Уж как это будет исполнено, не знаю, да и не особенно интересно: если по совести, последние дни я безвылазно торчал дома, поэтому выйти на свежий воздух было просто здорово.

У мостовой нас ждал кеб. Мне хотелось бы увидеть рыжего Фрэнсиса, но увы...

– На западный угол Итон-сквер и Итон-плейс, – тихо проворчал строгий доберман, пропуская меня вперёд.

Могучий сивый коняга в насквозь промокшем клетчатом пальто неторопливо перекатил в жёлтых крупных зубах окурок толстой вонючей сигары и повёл плечом:

– Четверть гиней, сэр.

– Я из полиции, – напомнил сержант.

– Прошу прощения, сэр, запомятовал. Тогда с вас ещё пять пенсов за ожидание.

На мгновение показалось, что Гавкинс начнёт засучивать рукава и полезет разбираться с упёртым возницей, и кто знает, чем бы это закончилось, поскольку конский профсоюз, как правило, Скотленд-Ярд в грош не ставит, но я вовремя успел вставить слово:

– Принято, милейший! Трогайте!

Кебмен важно кивнул мне, качнув белой чёлкой, и взялся за рычаги машины. Колёса выдавшего виды кеба загрохотали по чёрному мокрому булыжнику.

Сержант скрестил лапы на груди и демонстративно прикрыл глаза, не желая ни разговаривать, ни даже смотреть в мою сторону. Нет, он не злой, просто работа в полиции, ежедневное столкновение с преступным миром, невысокая зарплата, отсутствие права на ношение оружия и постоянный риск, сопряжённый с угрозой для жизни, редко способству-

ют весёлости нрава. Седой кебмен прокашлялся:

Когда Господь призовет меня
Под звоны труб на исходе дня,
Я как апостол пройду в строю,
Словно усталый герой в бою.
Святые кони уходят в рай,
Их гривы ветер несёт за край.
И если будет место в строю –
Услышь, Господь, я спою...

Это был тот редкий случай, когда негромкий, даже в чём-то безэмоциональный голос способствовал наилучшей подаче текста. Я никогда раньше не слышал этой песни, хотя в мелодии, возможно, угадывалось что-то жутко простонародное и потому знакомое, в стиле распевов старого Ливерпуля. Вспомнилось, как мы на пару ездили с моим наставником, и сердце вновь кольнуло раскалённой иглой. Почему его нет рядом?

Дорога была достаточно длинной, в это время дня улицы Лондона переполнены – брички, паровые кебы, самодвижущиеся экипажи; оживлённое движение вкупе с постоянным дождём создавали и не такие пробки. Тем не менее приблизительно за час или чуть больше мы добрались до указанного места.

Гавкинс приказал остановиться близ старинного четырёхэтажного особняка и честно расплатился по счёту. Ду-

маю, нарушить устный уговор с кебменом не посмел бы и сам фельдмаршал Веллингтон, разгромивший воспрянувшего Наполеона в битве при Ватерлоо. С конским профсоюзом такие штучки не проходили.

Буквально в четырёх шагах по тротуару неподвижно застыли два констебля из нижних чинов. Сержант, не оборачиваясь, двинулся к ним, оба парня одновременно задрали подбородки: один – человек, другой – молодой бульдог из «близких к природе».

– Все на месте? – бросил доберман. Парочка молча кивнула. – Никто не выходил?

– Так точно, сэр, – отрапортовали оба, но мне почему-то показалось, что голос бульдога был какой-то неуверенный. Но самостоятельно переспрашивать полицейских без разрешения сержанта было явно не в моей компетенции, поэтому я быстро проследовал за Гавкинсом, который буквально на секунду придержал для меня дверь.

В прихожей размером с четверть поля для регби нас ждали сразу двое чернокожих лакеев. Это было большим шиком позволить себе взять в прислугу негра или индуса мог далеко не каждый вельможа, и жалованье они получали почти вдвое больше, чем белые. Мой макинтош и служебный плащ сержанта эти двое приняли с таким видом, словно вообще безговали прикасаться к нашей одежде.

Я отметил, каких трудов доберману стоило не скрипеть зубами, но тем не менее он держал себя в руках.

– Вы не вытерли ноги, джентльмены.

Мы с сержантом, разумеется, вытирали обувь о коврик, но сделали это ещё раз.

– Этого недостаточно, джентльмены. Проявите больше уважения.

Я было принялся шоркать подошвами ботинок в третий раз, но Гавкинс, цапнув меня за рукав, молча и решительно потащил за собой вперёд.

– Не заставляйте нас повторять, джентльмены... – донеслось вслед, и, клянусь Ньютоном-шестикрылым, теперь уже и мне захотелось вернуться с электрической дубинкой наперевес. В конце концов, мы сюда не набивались, нас пригласили для расследования преступления. И если здесь так заносчивы даже лакеи, то каковы же хозяева дома?

Мы прошли через прихожую, поднялись по лестнице на второй этаж, где попали в длинный коридор, от пола до потолка увешанный старинными картинами в толстых золочёных рамах. Тематика полотен, впрочем, была однообразна, на нас взирали различные леди в кринолинах, шелках и парче или благородные мужи в рыцарских доспехах и охотничьих костюмах.

Хорошо, что Гавкинс явно был тут не в первый раз, уверенно чеканя шаг впереди меня на расстоянии вытянутой руки. За поворотом нас встретили ещё двое лакеев, стоявших по обе стороны высоких дверей. Оба белые, но высокомерия и им, как оказалось, было не занимать. Благо сержант не

стал ни здороваться, ни кивать, ни спрашивать разрешения, а просто толкнул одну из створок дверей.

– Наконец-то. – В достаточно просторной, но жутко захламлённой детской комнате нас встретил несколько нервный инспектор. – Майкл, какое счастье, что вы смогли найти время и прийти. У нас тут небольшая проблема. Честно говоря, не уверен, что смогу объяснить, но...

– Я в вашем распоряжении, сэр.

Хаггерт разгладил усы, судя по тому, как он коснулся сухих губ, ему бы явно не помешал бокал бренди, но, видимо, здесь не наливали.

– Это прекрасно. Итак, пропавший младенец находился здесь. Кто-то сумел проникнуть в дом, подняться на второй этаж, забрать ребёнка, уложить его в детскую корзину-переноску и бесследно исчезнуть.

Незаметно осматриваясь по сторонам, я отметил большой камин, два окна, судя по всему выходящие во внутренний двор, кучу самой разнообразной мебели, гору игрушек и, самое главное, тонкие проводки сигнализации, аккуратно закреплённые под потолком.

– К охранной системе «Эдисон & Ко» подключено всё здание, – проследив мой взгляд, буркнул сержант, пряча нос в платок. – Прошу прощения, сэр, у вашего приятеля жутко вонючий одеколон.

– Сеньор Диего использует дорогие экзотические ароматы, – согласился инспектор. – Сейчас он беседует с несчаст-

ной матерью. Она ещё не вполне пришла в себя после такого жуткого известия. Сам барон воспринял удар судьбы с хладнокровием и честью, присущими всей их фамилии.

Не скажу, что мне оно хоть как-то интересно. Клянусь пресвятым электродом Аквинским, меня ведь пригласили не за этим. Сигнализация, вот ради чего я здесь.

– Где находится распределительный щиток?

Меня сопровождали в коридор. За углом, за одной из картин, находилась панель или щит электрической сигнализации. Одного взгляда на пятимиллиметровый слой пыли хватило, чтобы понять: устройства давным-давно не касались ничьи руки. Лампочки горели исправно, все проводки в целости, все переключатели находились в нужном положении. Придаться не к чему.

– Сигнализация не отключалась минимум месяц, – вернувшись, доложил я.

Инспектор угрюмо откашлялся в кулак. Видимо, его стройные версии рушились, словно карточный домик, построенный на ветру меловых скал Суссекса.

– Сэр, смею заметить, что возлагать надежды на мальчишку было слишком... – начал было доberman, но я перебил его:

– Здесь на сигнализации всё: двери, окна, но не камин. Камин никогда не подключается к электричеству. Максимум, что там может быть, это решётка в трубе.

– Дон Диего говорил об этом, – задумчиво пробормотал

инспектор, кусая губы. – Мы проверили камин, решётки там нет, но труба настолько узкая, что и обезьяне не пролезть.

– Прошу прощения, а при чём тут...

Я не успел закончить вопроса, когда в комнату качающимся шагом вошёл невысокий павиан из «близких к природе». Он был одет в дорогой костюм, несомненно заказанный у лучшего лондонского портного, пальцы унизаны перстнями, а от режущего запаха тройного одеколona хотелось по примеру Гавкинса прикрыть нос.

Причём он им не брызгался, он его пил! Я не утрирую, в правой руке павиан держал флакон одеколona популярной марки, из которого регулярно прихлёбывал. Ньютон же шестикрылый, как он это делает-то?!

– Барон Гастингс, позвольте представить вам нашего общего друга и помощника Майкла Алистера Кроули. Ученика знаменитого месье Ренара, увы, ныне покойного консультанта Скотленд-Ярда.

– Инспэктор, – растягивая букву «е» на какой-то иностранный манер, сощурился павиан, – вы нашли мозго отпрыска?

– Мы прилагаем все усилия. И даже достигли некоторых результатов.

– Моя благородная супруга в недоумении...

Высокомерие барона было слишком откровенным и давление на полицию столь явным, что сержант невольно заворчал. Он всегда отличался излишней прямолинейностью в от-

ношении «близких к природе». То есть, если вы поняли, толерантность – это не про него.

Жёлто-зелёные глаза уставились на меня.

– Тебе есть что нам сказать, мальчик?

– Мы уже на «ты», сэр? – неожиданно для самого себя выпалил я.

Повисла нехорошая, но недолгая пауза. Инспектор, краснея и бледнея, смотрел в сторону, Гавкинс хихикал в кулачок, а хозяин дома не сводил с меня раздражённого взгляда.

– Я барон Гастингс, владéлец поместий в Уэссексе, зéмель в Уэльсе, замков в Шотландии, Ирландии, а также пристани с двумя паровыми кораблями, пéресекающими Ла-Манш. И я трéбую, чтобы в моём домé...

– Мне удалиться? – спросил я Хаггерта. Тот категорически замотал головой.

Что ж, видимо, не сейчас. Всё-таки Скотленд-Ярд имеет возможности хоть как-то отстаивать собственное мнение, а не послушно прогибаться под каждый титул. В этом смысле Великобритания по уровню демократии далеко обошла такие страны, как Германия, Австрия, Франция, Соединённые Штаты Америки и даже Российская империя.

Барон-павиан скрипнул зубами, демонстративно вздёрнул подбородок и объявил:

– Если в течéнии суток мой сын, законорождéнный наслéдник фамилии и всéх благосостояний, нэ вэРНётся в наш дом, то я буду вынужден принять собствéнные мэры. Какие

имэнно? Вам лучше этого нэ знать, джентльмэны, вам это может нэ понравиться.

– Я уважаю ваше право, – примирительно выдохнул Хаггерт. – Но угрожать инспектору полиции не самая лучшая стратегия...

Хозяин дома позволил себе презрительный смешок, и теперь уже Гавкинс обнажил зубы. Клыки матёрого добермана впечатляли, хотя, конечно, павиан также мог похвастаться отличным оскалом, но тем не менее барон Гастингс предпочёл отступить. Пятясь задом, он молча покинул комнату и уже за её пределами шумно потребовал от лакеев подать виски!

«Крайне неприятный тип», – подумал я. С другой стороны, даже мой малый жизненный опыт не советовал принимать скоропалительных решений. Меж тем в коридоре раздались лёгкие шаги, и вскоре к нашей компании присоединился тот самый гривистый волк.

– Но это же... Сэр, вы?! – У меня перехватило дыхание.

– Тот самый мальчишка? – Волк кивком головы приветствовал сержанта. – Брось, парень, мне уже сто раз говорили, что мы похожи с вашим знаменитым сыщиком, как две подковы. – Он протянул мне затянутую в чёрную лайковую перчатку лапу. – Будем знакомы, дон Диего Фернандес Агуарачай, агентство Пинкертон в Южной Америке. Да, я отлично знаком с правилами международного этикета, но я не снимаю перчаток. Никогда!

Словно заворожённый, я пожал его крепкую ладонь. Дон Диго был заметно ниже моего наставника, более широк в плечах, кареглаз, он явно подкрашивал усы чёрным, действительно пользовался жуткой смесью одеколонов и одевался в несколько вызывающей манере, способной сбить с толку истинного англичанина. Короткая кожаная куртка по пояс, мешковатые штаны из синей парусины, вязаный клетчатый шарф на шее и широкополая шляпа. Чем-то похож на ковбоя.

И да, сколько я помню из школьной программы, хоть лисы очень похожи на гривистых волков, но, несомненно, этот зверь не мог быть месье Ренаром. Сердце вновь кольнуло иглой...

Видимо, разочарование было слишком заметно на моём лице, потому что инспектор попытался ободрить меня улыбкой и даже потрепал по плечу.

– Что вам удалось выяснить, коллега?

– Очень немного или очень многое, сеньоры, – загадочно усмехнулся волк, подошёл к окошку, посмотрел во внутренний двор и продолжил: – Мать младенца убита горем. О сан-та Лючия! Это понятно, она пьёт ромашковый чай, почти всё время плачет и не хочет ни с кем разговаривать.

– Даже с вами? – Сержант нарочито прикрыл нос.

– Даже со мной. Увы! Однако кое-кто из чёрных слуг этого дома оказался гораздо более разговорчивым. Мы начнём с завязки всей этой истории, а в ней узлов больше, чем в пись-

ме индейцев племени чероки.

Дон Диего подмигнул, подкрутил усы и продолжил, чуть понизив голос. Должен признать, с его слов складывалась не самая лицеприятная картинка. Разумеется, барон Гастингс не был «продолжателем древнего рода» в общепринятом смысле. По невнятной причине старый, бездетный аристократ усыновил мальчика-павиана, дал ему образование и сделал наследником, успешно скончавшись практически на следующей неделе после подписания всех соответствующих бумаг. Коронер констатировал остановку сердца во сне, в кругах знати пьянство старого барона давно стало притчей во языцех.

Молодой Гастингс умудрился в короткий срок овладеть всеми пороками приёмного родителя, вылететь из знаменитого полка колдстримских гвардейцев из-за постоянных склок и ссор с другими офицерами, попал в плохую компанию лондонских прожигателей жизни, где пристрастился к виски и карточным играм. Деньги таяли как мартовский снег.

Пошатнувшееся финансовое положение он решил поправить выгодным браком. Однако слава его в определённых кругах была такова, что он смог получить лишь руку не очень богатой вдовы одного из купцов Ост-Индской компании, к тому же беременной на четвёртом месяце. Вряд ли женщина была так уж счастлива подобным предложением, но тем не менее под давлением родственников их брак со-

стоялся.

– А теперь, сеньоры, скажите мне, не кажется ли вам подозрительным исчезновение законного наследника двух фамилий в то самое время, когда барону вновь накинута лассо на шею кредиторы? – резюмировал дон Диего и сам себе поаплодировал.

Инспектор и сержант одновременно вздохнули. Я слишком хорошо знал их обоих, поэтому почти наверняка мог бы сказать, о чём они сейчас думали. Барон Гастингс, несомненно, очень подозрительный тип и уж точно замешан в этом грязном деле. Вопрос в другом: каким образом негодяю удалось украсть ребёнка, не привлекая внимания слуг и не отключая сигнализации? Как выяснить, где он прячет малыша? И самое главное, чем мы прижучим злодея? Где доказательства?

– Единственно, в чём можно быть уверенным, – после паузы весомо добавил волк, – так это в том, что младенец жив. Смерть маленького лорда не принесёт выгоды ни барону, ни его подручным.

Гавкинкс и Хаггерт столь же синхронно кивнули. Совершенно верно. Похищение младенца ради выкупа отнюдь не ново и относительно безопасно, ведь ребёнок в силу возраста попросту не сможет опознать преступников. Не с этим ли связана столь неприкрытая угроза павиана применить «собственные мэры»?

– Окна заперты изнутри, попытка открыть их снаружи

привела бы к срабатыванию системы, – как мне казалось, мысленно начал проговаривать я, памятуя порой болезненные, но всегда действенные уроки своего наставника. – Со стороны в дом не попасть, просто так из него же не выйти. Слуги заиклены на правилах, обойти их невозможно. Либо ребёнок всё ещё где-то дома, либо он превратился в туман и вылетел через камин. В таком случае...

Я вздрогнул, поймав на себе три пристальных взгляда одновременно. Потом все трое взрослых неуверенно подошли к камину.

– Сержант? – вопросительно вскинул бровь инспектор.

– Так точно, сэр. Я лично проверял, труба камина слишком узка, уверен, что даже мальчишка в неё не пролезет.

– Всё верно, сеньор, – отважно залезая в грязный камин и задрав голову, заявил дон Диего. – Павиан довольно крепок, с такими плечищами тут никак не развернуться.

– Майкл? – Теперь уже вопрос относился ко мне, а я никак не мог понять, чего же тут не так. Зола, пепел, кучка каменного угля, совок, кочерга, мелкие фарфоровые безделушки на каминной полке, чугунная решётка...

– И в самом деле странно, – неожиданно поддержал меня инспектор Хаггерт. – Как помнится, уголь держат в специальном ведёрке, а не сыпают вот так в угли.

– Да пресвятой же электрод Аквинский! – Я при всех хлопнул себя ладонью по лбу. – Конечно же! Что, если злодей попал на крышу через собственное окно, отключив сиг-

нализацию в кабинете или спальне? Тогда он мог спустить верёвку через каминную трубу, спокойно навестить малыша перед сном, переложить его из кровати в ведёрко для угля, привязав верёвку к дужке, выйти, собственноручно запереть дверь и, вернувшись к себе, вытянуть младенца на крышу! А уж потом, держа его одной лапой, спуститься по верёвке с малозаметной стороны особняка на землю и...

– Бред собачий, – подумав, прервал меня доберман. – Младенец в угольном ведре? Да он бы орал как резаный!

– Он мог спать, как весенний сурок, – деликатно вступился гривистый волк. – Поверьте, есть много способов подарить ребёнку долгий и крепкий сон.

– У нас есть версии, но нет доказательств, джентльмены, – пожимая плечами, сообщил инспектор. – Это весьма при-
скорбно. Гавкинс, прошу вас, верните мальчика домой. Майкл, огромное спасибо, что пришли к нам на встречу.

– Я могу и сам вернуться.

– Не спорь со старшими, – проворчал сержант, козырнул начальству и за плечи развернул меня на выход.

Пылкий, как и все южане, дон Диего Агуарачай сначала попрощался со мной вежливым поклоном, а потом, не удержавшись, шагнул вперёд и обнял меня, на миг прижав к груди, словно младшего брата. Да, одеколон у него был сродни нашатырному спирту, настоящему на бананах и цветках гибискуса, я чуть не чихнул...

Гавкинс без лишних слов или сантиментов сопровождал

меня вниз, практически отобрал у мрачных чернокожих лакеев мой макинтош, котелок и зонт и вместе со мной вышел на улицу. Двое констеблей по его приказу остановили первый же попавшийся кеб.

– Доставить в целости и сохранности! – рявкнул сержант, делая строгие брови.

– Слушаюсь, офицер, – приподнял выдавшую виды шляпу чалый конь средних лет, с благородным римским профилем, взяв деньги вперёд. По правилам профсоюза кебменов теперь он поедет до нашего дома, приглядывая за мной, как за китайской вазой эпохи Мин или золотым фондом Соединённых Штатов в крепостных стенах Форт-Нокса.

Горло противно щекотала лёгкая досада. Нет, не обида, настолько униженным я себя не ощущал, но всё-таки... Это ведь я выдвинул версию о камине, я предложил стройный пошаговый план действий преступника, а они попросту отстранили меня от дела, как обыкновенного мальчишку. Кеб пустил пары и двинулся вперёд...

Ну и ладно, на что я, собственно, рассчитывал? На то, что меня примут в их мир как равного на правах нового консультанта Скотленд-Ярда? Для этого надо было быть великим Ренаром, а я уж никак не он...

– Не желаете ли песню, юный сэр? – раздалось с облучка. – Нет ничего лучше, чтобы развеять плохие мысли. Либо песня, либо бокальчик виски!

И, не дожидаясь моего ответа, более того, видимо даже

не нуждаясь в нём, чалый возница пустился драть лужёное горло:

Эй, мой кот! Эй, мой кот!
Заливай сметану в рот!
Эй, мой кот! Эй, мой кот!
Миска вряд ли подползёт!
В еде мы слишком медленны
И часто привередливы,
Если под крышкой мышка, а не бутерброд,
То грех быть избалованным,
Ленивым, толстым клоуном –
Тащи нахалку за хвостик и прямо в рот!
Время идёт, всё подводит свой итог.
Дважды пожить нам не позволяет Бог!
Но и ты не зря при том
Называешься котом...
Помни, мой кот, как манифест –
Мышка сама себя не съест!

Когда едешь в кебе под монотонное урчание парового двигателя и затейливое пение, то одно из немногих доступных тебе развлечений – это пытаться угадать мелодию. Если не ошибаюсь, сегодня меня старались порадовать вариациями на тему Имре Кальмана, достаточно известного венгерского композитора.

У нашего дома вновь стояли двое или трое молодых людей плюс уже знакомый мне барсук в коротком пальто и с

фотоаппаратом на треноге.

– У вас проблемы, юный сэр? – Видя, что я завозился на пассажирском сиденье, понятливо закивал кебмен.

– Да, я хотел бы выйти раньше.

– Не могу, за вашу доставку уплачено.

Ну естественно, конечно, ага... Я даже знаю, чем это кончится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.